

Весна уходит, осень мчится вслед — не удержать их бег, и лишь луна в воде вовек не знает перемен.

Время — штука неуловимая, не успеешь опомниться, как оно уже ускользнуло.

Ласточка взмыла из лесной чащи; её хвост, подобный острым ножницам, легко рассекал бескрайнее небо.

Хрупкий, худощавый силуэт юноши лет семнадцати-восемнадцати замер на склоне горы.

Чанся стоял с бамбуковой корзиной за плечами. Отсюда открывался невероятно широкий, просторный вид, и, хоть он смотрел на эти просторы уже много лет, его взор по-прежнему заворуженно устремлялся вдаль.

Бескрайние зеленые горы тянулись извилистой грядой, то поднимаясь, то опускаясь, а между вершинами плавно текли и клубились белые облака и туманы.

Стоило взглянуть в эту даль — высокую, подернутую сочной зеленью и дышащую первозданной свежестью, как на душе в то же мгновение становилось просторно, светло и легко.

Позади слышался легкий шорох — кто-то наступил на опавшие листья и сухие ветки. Чанся невольно обернулся.

Пэй Яо уверенно поднимался за ним по склону. Он шагал так размашисто, словно крутизна горы была ему нипочем; шел быстро и твердо, и в два-три шага оказался прямо перед Чанся.

Шестнадцатилетний юноша был поразительно красив, опрятен и статен. Хотя в его чертах еще сквозила некоторая подростковая угловатость и детская наивность, ростом он удался на славу: широкоплечий, узкобедный, да еще и длинноногий.

Последние несколько лет он рос не по дням, а по часам, вытягиваясь с каждым годом.

Позапрошлой зимой из-за того, что он резко пошел в рост, вся его фигура казалась излишне высокой и костлявой. Ел он при этом за троих, и оставалось лишь диву даваться, куда только девалась вся эта сытная еда — ни руки его, ни ноги никак не хотели полнеть.

Но в нынешнем году этот бурный рост Пэй Яо наконец замедлился, и юноша незаметно округлился, налился силой и перестал казаться таким уж истощенным.

Поздней весной, работая в поле, он из-за сильной жары скинул с себя верхнюю рубаху. И тогда все увидели, что его поясница, живот, плечи и даже грудь уже покрылись тугими, красивыми пластинами тонких мышц; тело его стало поджарым, сухим и сильным.

Шестнадцать лет — это не тот возраст, когда человек может похвастаться чинным спокойствием. В эту пору юность и задор бьют через край.

Молодая кровь кипела в нем, и даже в каждом его движении и походке сквозили необычайная легкость, грация и юношеское щегольство.

Пэй Яо ловко наступил на крупный валун, пружинисто спрыгнул и в мгновение ока опустился прямо перед Чанся.

Приземлившись, он почему-то не стал сразу идти дальше.

Чанся в недоумении поднял голову и встретился взглядом с его глубокими, черными глазами.

Непонятно почему, но в этих глазах сейчас читалось какое-то странное, необъяснимое выражение, и юноша просто стоял, в упор разглядывая его.

Чанся растерялся еще больше. Он слегка нахмурил брови и тихонько спросил:

— Что случилось?

Осознав, что он так открыто разглядывает Чанся, Пэй Яо вдруг почувствовал глухое раздражение. Его красивое лицо на миг потемнело от досады, и он, не оборачиваясь, решительно зашагал вперед.

Столкнувшись с такой капризной переменчивостью характера, Чанся попытался мысленно перебрать свои поступки, но так и не вспомнил, чем мог обидеть названного брата.

Он лишь слегка поджал губы, решив, что это сущая пустяковина, не стоящая внимания.

Пэй Яо с самого детства отличался озорным и упрямым нравом. За эти годы они оба подросли; их отношения нельзя было назвать слишком близкими, но они ладили и жили вполне мирно.

Правда, в последний год-два — должно быть, сказывался возраст — Пэй Яо порой становился излишне вспыльчивым, а иногда и вовсе начинал дуться и злиться неведь на что.

Папа строго-настрого наказывал Чанся не обращать внимания на эти выходки.

Чанся по природе своей был бесхитростным и на редкость послушным: что взрослые велели, то он и выполнял, никогда не задумываясь о скрытых причинах, и знай себе молча трудился в поте лица.

Дождавшись, пока их догонят Чэнь Чжи и Пэй Юва, Чанся вместе с ними углубился в лесную чащу.

Летние бамбуковые побеги по своим вкусовым качествам разительно уступали весенним или зимним, но и здесь бывали свои исключения. В самых глухих, труднодоступных уголках гор рос особый вид бамбука: если отыскать самые нежные и молодые побеги, пробившиеся к солнцу летом, то вкус у них оказывался очень даже недурственным.

Вот только горные тропы туда были извилисты и опасны, да и глушь там стояла несусветная, поэтому те деревенские, кто хотел накопать таких побегов на продажу, обычно собирались группами по четыре-пять человек.

Пэй Юва как раз сегодня собирался везти в городок на продажу заготовленные лекарственные травы. Места на телеге оставалось достаточно, вот он и рассудил, что неплохо бы попутно накопать побольше бамбуковых побегов, чтобы сдать их перекупщикам вместе с корнями.

В бамбуковой роще царили тишина и покой, а в горах дышалось куда прохладнее, чем в долине.

Чэнь Чжи, вооружившись тяжелой мотыгой, принялся аккуратно обкапывать землю вокруг проклюнувшейся верхушки побега. Руки его действовали на редкость сноровисто, и вскоре он извлек на свет сочный, нежный побег. Чэнь Чжи ловким ударом перерубил основание, поднял добычу и забросил её прямо в бамбуковую корзину.

Прошло уже одиннадцать лет. Чэнь Чжи исполнилось тридцать восемь, и в уголках его глаз и

на переносице залегли едва заметные морщинки — отметины прожитых лет.

В здешних краях деревенские жители к сорока-пятидесяти годам уже вовсю выказывали признаки дряхлой старости, однако эта супружеская чета, должно быть благодаря сытой и спокойной жизни, сохранила крепкое здоровье: спины у них оставались прямыми, питались они справно, так что среди своих ровесников выглядели на редкость молодо и свежо.

Детей у них больше не прибавилось, и то, что их род оставался столь немногочисленным, долгое время было их самой большой и горькой обидой.

Впрочем, в семье Пэй уже три поколения подряд рождалось строго по одному мальчику, так что к моменту, когда они вошли в лета, мысль о единственном ребенке перестала казаться им чем-то невыносимым.

К тому же Пэй Яо исполнилось шестнадцать лет, он вырос крепким и сильным, что с лихвой искупало все прежние сожаления.

Бамбуковая роща была довольно просторной, и сейчас в ее тишине разносились лишь глухие звуки ударов мотыг их небольшого семейства.

— Ого, какой дородный выискался! — весело воскликнул Чэнь Чжи, выкапывая очередной побег.

Он так и сиял от радости, без усталости взмахивая своей мотыгой.

Побеги этого вида бамбука искать было одно удовольствие: стоило заметить крошечный нежный кончик, едва пробившийся сквозь лесную подстилку, как можно было сразу приниматься за раскопки. Это вам не зимние побеги, скрытые глубоко под землей, для поиска которых нужно обладать особым чутьем и наметанным глазом.

— Мой тоже большой! — раздался чуть поодаль звонкий голос Пэй Яо.

Все четверо теперь считались полноценными взрослыми работниками, помощь со стороны им не требовалась. Каждый уверенно орудовал своей мотыгой или маленькой тяпкой, и глухой стук переворачиваемой земли не затихал ни на мгновение.

Пэй Яо копал быстрее всех. Вскоре он полностью освободил побег от земли, приподнял его повыше и хвастливо крикнул:

— А ну-ка гляньте!

Остальные трое, не сговариваясь, тут же обернулись на его призыв.

Чэнь Чжи с доброй усмешкой заметил:

— И впрямь, побольше моего будет! В нем, никак, цянэй семь-восемь [около 26–30 граммов] весу наберется.

Обычно побеги этого бамбука едва достигали трех-четырех цянэй, так что добыча Пэй Яо и в самом деле оказалась на редкость крупной.

Летние побеги росли с поразительной скоростью, особенно после хорошего грибного дождя: они не просто дружно пробивали землю, но и вытягивались прямо на глазах. Стоило опоздать со сбором всего на пару дней — и большая часть побегов огрубела бы так, что стала бы

непригодной в пищу.

Перекидываясь редкими фразами, все четверо ни на миг не замедляли работы.

Лишь когда корзины заполнились больше чем наполовину, Чэнь Чжи решил сделать передышку. Он устроился на замшелом валуне и сделал несколько жадных глотков из походного бамбукового сосуда.

Туто загнав деревянную пробку обратно, он поднял глаза и заметил, что трудившийся неподалеку Чанся всё ещё продолжает гнуть спину. Фулан мягко окликнул его:

— Чанся, а ну-ка передохни малость, испей водицы. Куда ты так торопишься?

— Хорошо, — отозвался Чанся.

Он аккуратно обрубил основание только что выкопанного побега, забросил его в корзину и лишь после этого подыскал сухое, чистое местечко, чтобы присесть.

У каждого из них при себе имелся личный бамбуковый тубус с водой. Воду дома обязательно кипятили и остужали — это было куда безопаснее и полезнее для здоровья, нежели пить сырую воду из горных ручьев.

Пэй Яо бросил в их сторону мимолетный взгляд; усталости он не чувствовал ни в одном глазу, поэтому продолжил усердно махать тяпкой.

Чэнь Чжи не стал вмешиваться и поучать сына. С его точки зрения, Пэй Яо теперь вошел в пору зрелости, сил у парня было хоть отбавляй — самый что ни на есть заправский и незаменимый помощник в хозяйстве.

В конечном итоге они наполнили доверху все четыре корзины, и те вышли на редкость увесистыми и тяжелыми.

Поскольку Пэй Юва нужно было еще успеть запрячь осла и засветло доехать до городского базара, задерживаться в горах они не стали: подхватив тяжелую ношу, дружно двинулись в обратный путь к подножию.

Крепкий упитанный ослик звучно фыркнул, когда на его спину накинули упряжь. Стоило Пэй Юва громко ухнуть и прикрикнуть, как животное дружно налегло на лямку и потащило груженую телегу со двора.

Тот ослик, что служил им одиннадцать лет назад, совсем одряхлел и осел; в дальние путешествия его больше не гоняли, и теперь он мирно доживал свой век дома, катая охапки сена да вращая тяжелые жернова ручной мельницы.

А этот его собрат был куплен всего пару лет назад и сейчас находился в самом соку.

Цокот ослиных копыт мало-помалу затих вдали.

Чэнь Чжи, подхватив бамбуковую корзину, тоже перешагнул за порог. Он вознамерился заглянуть в гости к семье Ян, чтобы перекинуться парой слов, а заодно позвать Чжао Цинь с собой в соседнюю деревню — прикупить свежего тофу.

Во дворе Пэй Яо, прихватив с собой ворох соломы и специальный деревянный станок с крючками, устроился в прохладной тени под навесом дома и принялся плести соломенные

сандалии.

Парень рос стремительно, да и на ногах проводил едва ли не весь день, так что обувь на нем буквально горела.

Сейчас стояло самое начало лета, и погода давно позволяла щеголять в легких соломенных сандалиях. Шить тканевые туфли он, понятное дело, не умел, а вот искусством плетения обуви из травы овладел в совершенстве.

Чанся в это время возился на кухне: он усердно скоблил котел, мыл посуду и палочки для еды, после чего принялся заваривать корм для свиней.

Выйдя во двор за охапкой дров и заметив устроившегося под навесом главного дома Пэй Яо, Чанся ни на миг не замедлил шага. Он торопливо проскочил мимо и вернулся на кухню, чтобы разжечь огонь под большим чаном.

Пэй Яо был еще очень молод, и пусть характер его порой отличался ветреностью и нетерпением, стоило ему засесть за любимое ремесло, как руки его становились на редкость твердыми, точными и искусными. К делу он подходил с великим тщанием, так что сплетенные им соломенные сандалии выходили на редкость плотными, ладными и удобными; иногда он даже ухитрялся выгодно продавать их на городском базаре.

Помимо этого, он питал страсть к вырезанию деревянных игрушек и сборке воздушных змеев.

Крупные изделия ему были еще не под силу, так что он ограничивался мелкими поделками, которые так приятно было вертеть и баюкать в ладони.

Года два назад Чэнь Чжи то и дело честил сына на чем свет стоит, обвиняя в том, что тот мается дурью и не желает заниматься настоящим делом — мол, найдет где-то бросовую чурку, возится с ней часами, а потом вся одежда в древесной стружке.

Но как-то раз Пэй Яо, втайне от всех домашних, собрал свои резные поделки и удрал на городской базар. Там ему удалось выгодно сбыть несколько деревянных птичек и гусей, которых он предварительно покрыл яркими красками и отполировал до зеркального блеска. Домой парень вернулся, гордо побрякивая сотней чеканных медных монет.

С тех самых пор, стоило ему засесть за свои деревянные безделушки, никто из домочадцев семьи Пэй больше не проронил ни слова упрека.

Когда свиное варево было готово, Чанся подхватил тяжеленное деревянное ведро и направился к заднему двору.

Пэй Яо на миг поднял глаза, мазнул по нему взглядом и тут же снова уткнулся в работу, полностью сосредоточившись на плетении.

Чанся этого взгляда не заметил; он привычно миновал узкий проход между стенами и зашел на задний двор, чтобы накормить скотину.

В этом году они держали трёх свиноматок: одну оставили для приплода, а двух других собирались выкормить к зиме. Одну хотели сдать мясникам в уездном городе, а вторую — зарезать для собственных нужд к праздничному столу.

Свинарник был аккуратно сложен из крупного бутового камня, стены вышли плотными и

высокими — ни одна свинья не смогла бы перемахнуть через такую преграду.

Дом семьи Пэй возвели всего пару лет назад, и даже хозяйственные постройки сработали на совесть.

Пол в свинарнике вымостили обломками плоских каменных плит, благодаря чему наводить порядок и чистить загоны стало в разы легче; в зимнюю же стужу достаточно было просто набросать сверху побольше сухой рисовой соломы.

Это вам не прежнее глиняное покрытие, которое от свиной мочи и пролитой воды вечно превращалось в непролазную, зловонную грязь.

Накормив свиней, Чанся мелко нарубил сочной травы для кур и уток, обновил воду в поилках и лишь после этого вернулся на передний двор.

Завидев, что Доу Цзиньхуа устроилась посреди двора и собирается затеять стирку белья, а Пэй Яо уже успел притащить для нее два полных ведра воды, Чанся поспешно засучил рукава:

— Бабушка, давай лучше я сам.

И пусть Доу Цзиньхуа пошел уже шестьдесят первый год, духом она оставалась крепка; привыкшая к нескончаемому крестьянскому труду, она всё ещё сохранила изрядную силу в руках.

Старуха усердно колотила холст деревянным вальком, а Чанся помогал ей тереть загрязненные места, после чего они вместе полоскали вещи в чистой воде, вымывая густую белую пену от мыльных плодов.

Летняя одежда была тонкой, к тому же стирать пришлось всего два комплекта — её собственный да старого Пэй Цзаоаня, так что вскоре чистые вещи уже мирно сушились на деревянных вешалках.

Сам Пэй Цзаоань устроился на корточках у самого подножия стены. Прищулив глаза от удовольствия, он с наслаждением раскуривал свою трубку; в уголках его глаз залегла густая сеточка мелких морщин. По сравнению с тем, что было десять лет назад, дед тоже изрядно постарел.

Выкурив табак, он привычным движением постучал чашечкой трубки об обух, выбивая золу, поднялся на ноги и принялся аккуратно перебирать и складывать разбросанные по двору дрова.

Новый дом семьи Пэй сиял свежестью — они перебрались сюда всего два года назад.

Прежнюю ветхую мазанку с соломенной крышей безжалостно сровняли с землей, а на её месте возвели просторный, на редкость приличный дом под добротной синей черепицей.

Три комнаты с голубой черепицей: восточная и западная комнаты соединялись с центральной гостиной, спереди находились восточная и западная пристройки, а также были кухонная и подсобные помещения — всё необходимое.

Задний двор, точь-в-точь как и у остальных деревенских жителей, отвели под загоны для скота и домашней птицы.

С тех самых пор, как над землей поднялись стены нового жилища, старый Пэй Цзаоань — не говоря уже обо всех остальных — испытывал такое глубокое, трепетное благоговение, что не раз повторял: теперь и помереть не страшно, ни о чем в этой жизни не жалею.

Он всю свою сознательную жизнь страстно мечтал на склоне лет пожить в настоящем доме под черепичной крышей; даже сына своего в свое время нарёк именем Юва (что значит «имеющий черепицу»), вложив в это имя всю свою заветную думу.

И вот, прождав столько долгих лет, на пороге старости он наконец-то узрел исполнение своей мечты.

Поскольку эта мечта была делом всей его жизни, старик относился к новому дому с невероятным, почти священным трепетом: он без конца подметал полы, протирал пыль то тут, то там, и стоило на землю упасть хоть единому сухому листку или травинке, тут же брался за метлу. Берег и лелеял свое жилище пуще прежнего.

Когда закладывали фундамент, взрослые приняли во внимание, что Чанся и Пэй Яо уже вошли в пору взросления, так что без двух вместительных боковых пристроек. обойтись никак не могло.

Дом строится, почитай, раз в жизни, да еще и должен послужить нескольким поколениям потомков, так что Пэй Юва к делу подошел основательно, скрупулезно, просчитав каждую мелочь наперед. Разумеется, и денег на это строительство ухнули немерено.

В здешних краях строевого леса было пруд пруди, с заготовкой древесины проблем не возникало, но даже при всем этом на постройку ушло порядка тридцати пяти лянов серебра — для их небогатой деревни сумма просто неслыханная.

Впрочем, деньги эти не пропали даром: любой мало-мальски понимающий человек с первого взгляда видел, что дом сработан на редкость добротно, ладно и со вкусом.

Пэй Юва и Чэнь Чжи всей душой не выносили долгов. Изначально они планировали еще и вымостить весь передний двор гладкими каменными плитами, а также выкопать собственный колодец, но серебро в кошельке подошло к концу. Истрать они все накопления без остатка — и семье пришлось бы долгие месяцы перебиваться с хлеба на воду, так что эти работы решили отложить до лучших времен.

За последние два года Чанся и Пэй Яо окончательно выросли, превратившись в крепких, полных сил молодых людей.

В доме больше не оставалось малых детей, которые умели лишь разевать рот да просить каши, да и оба старика сохраняли отменное здоровье и крепость духа.

Если посчитать как следует, в семье теперь было целых четыре полноценных, сильных работника. С такой силой ухаживать за десятью му пахотной земли не представляло особого труда; к тому же мужчины попутно промышляли сбором лекарственных кореньев и нанимались на поденную работу, так что в их кошельке снова начали постепенно скапливаться заветные монеты.

Окончив помогать со стиркой и не найдя больше никакой срочной работы, Чанся вернулся к себе в комнату, чтобы немного перевести дух.

Он занимал западный флигель, а прямо напротив него, в восточной пристройке, устроился Пэй

Яо.

Не успел мальчик сделать и глотка прохладной воды, как со двора донесся звонкий, задорный голос Ян Фэнняня:

— Пэй Яо! А ну-ка выходи, айда в горы, птиц стрелять!

Ян Фэннянь был ровесником Пэй Яо, ему тоже исполнилось шестнадцать лет.

Ростом он немного уступал Пэй Яо, но сложен был весьма недурно: длинноногий, длиннорукий, с худощавым лицом и лукавыми, средних размеров глазами. Стоило ему завидеть человека, как на его губах тут же расплывалась добродушная улыбка; в его манерах еще сквозила некоторая подростковая наивность, но юношеский задор бил через край.

Пэй Яо тут же забросил свое плетение. Он наспех придавил оставшиеся соломенные ленты тяжелым булыжником, схватил верную рогатку и пулей выскочил за порог — было видно, что у него самого руки чесались пострелять.

Едва они успели миновать калитку усадьбы, как нос к носу столкнулись с Пэй Чэном, который точно так же направлялся в сторону горного склона.

Вот только вид у Пэй Чэна был на редкость вороватый и смущенный, а сам он изо всех сил прижимал руки к груди, пытаясь спрятать под полой ватника какой-то предмет.

От того, что из ворот усадьбы внезапно выскочили двое приятелей, Пэй Яо и Ян Фэннянь даже глазом моргнуть не успели, как Пэй Чэн первым пришел в страшное замешательство и занервничал.

— Чэн-цзы, а ну колись, чего ты там припрятал? — с первого взгляда раскусил его Ян Фэннянь.

С веселой ухмылкой он подскочил ближе и намертво обхватил приятеля за шею, не давая тому сделать ни шагу.

И хотя в обычное время они частенько озорничали и бездельничали в одной компании, Пэй Чэн всё же не входил в круг их самых близких и закадычных друзей.

Оказавшись в плотном захвате, Пэй Чэн, точно пойманный на месте преступления воришка, испуганно заозирался по сторонам. Он глупо хихикнул, забавно замигал глазами и, скорчив заговорщическую гримасу, воровато выудил из-за пазухи тоненькую, невзрачную книжицу.

<http://bllate.org/book/17875/1722914>